

— А, вы это знаете, — Дунмэнь Цзяньбай почти машинально ответил, но сразу же спохватился и начал отрицать. — Нет-нет, господин Пэй, вы ошибаетесь, у меня всё в порядке с головой.

— Но если бы я знал, что это вы вовлекли его в негласные правила, я бы не считал его грязным, — Дунмэнь Цзяньбай подумал, что это будет хорошим комплиментом.

Пэй Цзиньюй нахмурился:

— Ты считаешь его грязным? Ты достоин?

Раньше, возможно, он был достоин, но теперь Дунмэнь Цзяньбай чувствовал, что нет:

— Я...

Он собирался объяснить, но Пэй Цзиньюй перебил его:

— Я не вовлёк его в негласные правила. Я ухаживаю за ним. Не навешивай на него свои грязные мысли.

Пэй Цзиньюй не стал угрожать, но один его холодный взгляд заставил Дунмэнь Цзяньбая содрогнуться. Он не раз слышал о том, что этот человек, если уж берётся за дело, может сделать жизнь невыносимой.

Дунмэнь Цзяньбай быстро понял и закивал:

— Я понял, господин Пэй, будьте уверены, я больше не буду думать о таком.

Сказав это, он хотел уйти.

Шу Хэн, наблюдавший за всем этим, снова подумал, что Пэй Цзиньюй явно имеет задатки мафиози, и спросил Дунмэнь Цзяньбая:

— Ты пришёл ко мне по какому-то делу?

Сначала он был зол из-за негласных правил, потом, обнаружив, что за Шу Хэном стоит человек, которого он не может тронуть, хотел быстро уйти. Если бы Шу Хэн не спросил, он бы почти забыл, зачем пришёл.

— Я пришёл позвать тебя на разбор. Я не говорил, чтобы тебе давали только рис без овощей. Режиссёр и работники все здесь. Пойдёшь? — Дунмэнь Цзяньбай кратко объяснил свою цель, но из-за неловкости с негласными правилами его тон звучал жёстко.

Шу Хэн был удивлён. Он не ожидал, что Дунмэнь Цзяньбай займётся этим, да ещё так быстро:

— Тогда пойдём посмотрим.

Дунмэнь Цзяньбай явно боялся Пэй Цзиньюя. Услышав согласие Шу Хэна, он назвал номер комнаты внизу и убежал. В коридоре остались только Шу Хэн и Пэй Цзиньюй. Шу Хэн начал:

— Господин Пэй, подождите в моей комнате...

Он не успел закончить, как встретился с мрачным взглядом Пэй Цзиньюя. Тот был явно не в духе.

— Ты не сказал мне об этом. Не хотел или не мог? — Пэй Цзиньюй схватил Шу Хэна за руку, пристально глядя на него, ожидая ответа.

Он был недоволен тем, что Шу Хэн скрыл от него, что его обижали.

Шу Хэн встретился с его взглядом, и в голове промелькнули две мысли. Он чувствовал, что сердце его слегка заколотилось. Наконец, он сказал:

— Я не придавал этому значения, поэтому и не сказал.

Забота Пэй Цзиньюя была искренней, и Шу Хэн не хотел его обманывать. Он объяснил свои мысли. Сначала он думал, что это просто отговорка Ху Цина, ведь недовольство Дунмэнь Цзяньбая было видно с первой встречи. Он считал, что Ху Цин просто использовал Дунмэнь Цзяньбая как предлог, ведь он сам не стал бы спрашивать работников, действительно ли им что-то передали.

Только после разговора Ху Цина с ассистентом Дунмэнь Цзяньбая Шу Хэн понял, что всё не так просто.

Выслушав искреннее объяснение Шу Хэна, Пэй Цзиньюй мгновенно сменил гнев на милость и даже потрепал его по голове:

— Тогда иди, побыстрее возвращайся, я буду ждать тебя в комнате.

Казалось, это был уникальный талант Пэй Цзиньюя: только что он был зол, а теперь слова «жду тебя в комнате» звучали как намёк на что-то большее. На это было сложно ответить, и Шу Хэн просто помахал рукой, прежде чем спуститься вниз.

В комнате внизу были режиссёр, его помощник, Дунмэнь Цзяньбай, его ассистент, Ху Цин и работник, ответственный за раздачу еды. Как только Шу Хэн вошёл, все взгляды устремились на него. Он улыбнулся режиссёру и его помощнику, поздоровался и сел на оставленное для него место. Режиссёр Цзян Тун заговорил:

— Дело не большое, но и не маленькое. Давайте разберёмся, что произошло.

Цзян Тун назвал имя Шу Хэна, и тот рассказал, как последние дни получал только рис без овощей:

— Мой ассистент сказал, что Дунмэнь Цзяньбай передал работникам, чтобы мне не давали овощей, так как я его обидел.

Шу Хэн посмотрел на Ху Цина:

— Ху Цин, так?

Ху Цин не ожидал такого поворота. Он нервно схватился за брюки, чувствуя напряжение и вину:

— Да, да.

Как только Ху Цин подтвердил, работник, ответственный за раздачу еды, сразу же заговорил:

— Режиссёр, ко мне подошёл ассистент господина Дунмэнь Цзяньбая. У меня не было выбора, я не хотел терять работу, поэтому... Режиссёр, я знаю, что ошибся, пожалуйста, не увольняйте

меня, я больше так не буду.

Работник настаивал, что действовал по указанию:

— Он сказал, что если я не сделаю, как сказал господин Дунмэнь Цзяньбай, то мне не будет места в съёмочной группе. Я не мог перечить ему, поэтому...

— Кстати, режиссёр, кроме ассистента господина Дунмэнь Цзяньбая, там был и Ху Цин. Они оба подошли ко мне, — работник указал на обоих.

Ху Цин, видимо, от переживаний начал дрожать.

Ассистент Дунмэнь Цзяньбая, напротив, оставался спокоен. Ему даже не нужно было объяснять, что он ничего не говорил. Он сам встал:

— Господин Цзяньбай, простите, я самовольно поступил так, думая, что вы не любите Шу Хэна. Я больше так не буду.

Хотя он и ожидал этого, Дунмэнь Цзяньбай всё же разозлился. Он резко встал и начал ругать ассистента:

— Идиот! Кто тебе позволил гадать о моих мыслях и действовать от моего имени? Ты, чёрт возьми, вообще достоин?

Дунмэнь Цзяньбай не остановился на этом. Он достал телефон и начал ругать друга, который порекомендовал ему этого ассистента, а затем стал допрашивать ассистента, сколько ещё он натворил от его имени.

Ассистент, конечно, не хотел признаваться. Дунмэнь Цзяньбай не стал настаивать, сказав:

— Если ты не хочешь говорить, то пусть полиция разберётся.

Помощник режиссёра вовремя добавил:

— Мы уже вызвали полицию, они должны быть в пути.

Услышав о полиции, ассистент побледнел:

— Господин Цзяньбай...

— Кого ты называешь господином? Ты идиот, вся твоя семья идиоты! — Дунмэнь Цзяньбай был в ярости.

Он злобно посмотрел на ассистента:

— С сегодняшнего дня ты больше не мой ассистент. Я не поддерживаю тех, кто занимается негласными правилами, но и не настолько глуп, чтобы позволять кому-то действовать от моего имени. Когда придёт полиция, советую тебе говорить правду, иначе ты сядешь в тюрьму.

Он фыркнул.

Дунмэнь Цзяньбай был зол. Хотя он больше не говорил вслух, его губы двигались, явно проклиная кого-то. Несмотря на мольбы ассистента, он не обращал на него внимания.

Режиссёр, до сих пор молчавший, наконец заговорил, обращаясь к работнику, раздающему еду:

— Ты тоже уходи. С сегодняшнего дня ты больше не работаешь в нашей группе.

Работник открыл рот, собираясь что-то сказать, но не смог произнести ни слова. Он лишь поклонился режиссёру и вышел из комнаты. Затем режиссёр посмотрел на Шу Хэна:

— Шу Хэн, твой ассистент был предоставлен твоей компанией. Решай, что с ним делать.

Шу Хэн кивнул:

— Отдадим его полиции. Думаю, он и за моей спиной натворил дел.

— Брат Хэн, я ничего плохого тебе не сделал. Ты не отдашь меня полиции, правда?

Шу Хэн усмехнулся:

— Это я заставил тебя просить работников не давать мне овощей?

— Или ты считаешь, что я должен был упасть с троса и разбиться, или ты подбросил бы что-то запрещённое в мою комнату и вызвал полицию, чтобы поймать меня с поличным? Только тогда бы ты считал, что сделал мне что-то плохое?

Ранее никто не упоминал о разговоре Ху Цина с ассистентом Дунмэнь Цзяньбая, поэтому, когда Шу Хэн произнёс это, Ху Цин широко раскрыл глаза, не веря своим ушам.

Конфликтная сцена демонстрирует трансформацию Дунмэнь Цзяньбая: от демонстративного высокомерия к осознанию последствий своих действий. Его реакция на ассистента показывает начатки ответственности.

Ху Цин представлен как слабый характер, легко поддающийся манипуляциям. Его страх перед разоблачением контрастирует с хладнокровием ассистента Дунмэнь Цзяньбая.

Режиссёр Цзян Тун выступает арбитром, сохраняя профессиональную дистанцию. Его решения отражают принцип нулевой терпимости к нарушениям производственной этики.

<http://bllate.org/book/16392/1484606>